

в Новороссийск те подразделения, которые выражали готовность воевать «против Каледина и Рады».

6.4.3. Добровольческие формирования. Капитан Покровский

Всё это заставило Краевое правительство также озаботиться организацией боеспособных военных формирований. Ещё 29 ноября командующим всеми кубанскими войсками был назначен бывший начальник 5-й Кубанской дивизии генерального штаба генерал-майор К.К. Чёрный. Одновременно был сформирован Полевой штаб¹⁴⁷, функцией которого была оперативная работа. Войсковой штаб оставил за собой мобилизационные мероприятия. Тогда же полковнику С.Г. Улагаю было предложено сформировать казачий партизанский отряд, чего сделать не удалось. Вся работа сводилась на нет, ввиду отсутствия войск, как таковых. 9 января Чёрный подал в отставку. На его место заступил генерал Букретов, который уже через неделю заявил, что «ничего не выйдет», так как казаки службу нести отказываются¹⁴⁸. 17 янва-

¹⁴⁷ Начальником Полевого штаба назначен был генерального штаба полковник В.Г. Науменко.

¹⁴⁸ «Выбор остановился на генерале Букретове, – пишет Филимонов, – не казаку по происхождению, подолгу служившем с нашими пластунами, георгиевском кавалере. Первые шаги и первое впечатление, произведённое новым командующим армией, были очень выгодны для него. Бычу казалось, что мы, наконец, нашли то, что нам нужно. Действительно, посетив однажды ночью, в момент большой тревоги (оказавшейся преувеличенной), походный штаб армии, мы лично наблюдали Букретова за работой и были очень удовлетворены его спокойствием, находчивостью и самоуверенностью. Но ровно через неделю Букретов явился ко мне во дворец бледный, расстроенный и заявил, что он болен и нести службу далее не может. Не было и тени бодрости и молодцеватости! Внезапность такой перемены меня очень озадачила. Я сказал Букретову, что не верю в его болезнь, что прикажу его освидетельствовать и предать суду.

– Ничего из этого не выйдет. Казаки, с которыми я служил в Закавказье и на которых я главным образом рассчитывал, отказываются мне повиноваться, – безнадежно опустив голову, ответил Букретов. – Близкие мне люди советуют бросить всё это, явно безнадежное дело. Делайте со мной, что хотите, но я не в состоянии служить.

Указание на то, что для военного человека трудность положения не есть повод к отказу от службы, чем тяжелее положение, тем крепче нужно стоять на своем посту, нисколько не тронуло Букретова».

ря его заменил генерального штаба генерал-лейтенант Гулыга, приход которого также мало что изменил¹⁴⁹.

В Правительстве постепенно оформилось понимание того, что даже и при благоприятном стечении обстоятельств одними лишь казачьими частями уже не обойтись. К началу декабря Рада разрешила отдельным офицерам формировать отряды добровольцев. С Кавказского фронта прибыл, наконец, «военный министр» Н.М. Успенский, принявший в этом деятельное участие. В экстренном порядке он провёл в Правительстве «Положение о службе в кубанских добровольческих отрядах», которое регламентировало порядок набора и прохождения службы в новых условиях, а также и определило вполне достойный размер денежного содержания. В результате, в первых числах января было сформировано несколько отрядов, именующихся по фамилии своих начальников: отряд войскового старшины П.А. Галаева (на 6 декабря 125 штыков, к началу января до 350 бойцов, 2 орудия, 6 пулемётов), полковника Демяника¹⁵⁰, позже – полковника Н.П. Лесивицкого. 1 января приказом начальника артиллерии Кубанского войска была сформирована и так называемая «2-я Кубанская казачья пластунская батарея» под командой только что прибывшего с фронта есаула Ю.Ф. Корсуна¹⁵¹ (первоначально 2 орудия и 10 человек прислуги, к середине января – ещё два взвода по два орудия в каждом).

Как и на Дону в отряды записывались по большей части фронтовые офицеры, как армейские, так и казачьи, и местная учащаяся молодёжь. Рядовые казаки и офицеры, успевшие осесть в городе и завести своё дело, в добровольцы не стремились. Понятно было, что в этих условиях формируемые отряды подчинялись Краевому правительству лишь номинально. Всё, в конечном счете, решали командиры. Отсюда и определённая

¹⁴⁹ «Доблестнейший генерал, – писал о нём Д.Е. Скобцов, – но привыкший действовать на широком фронте и к тому же имел пластунскую слабость к крепким напиткам».

¹⁵⁰ Бывший командир 154-го Дербентского полка.

¹⁵¹ На фронте был офицером 3-й Кубанской конной батареи.

натянута в отношениях между чиновниками Краевого правительства и «пришлыми» добровольцами¹⁵².

В.Л. Покровский

в качестве «кубанского добровольца» начал формировать отряд на свой страх и риск и сумел сплотить вокруг себя небольшую группу молодёжи.

Ситуация между тем обострялась. Если в Екатеринодаре Краевое Правительство ещё могло чувствовать себя в относительной безопасности¹⁵³, то отделы один за другим отпадали от

К этому же времени относится и начало деятельности на Кубани капитана В.Л. Покровского. Бывший военный лётчик обратился с просьбой разрешить сформировать особый отряд «Защиты Учредительного Собрания». Председатель Л.Л. Быч ему отказал, а на заседании Правительства так прокомментировал своё решение:

– Пусть едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды...

Покровский, надо отдать ему должное, вовсе не был этим обескуражен. Он

¹⁵² Весьма настороженно относились к формированию отрядов из добровольцев как иногородние в паритетном правительстве, так и те, кто подумывал о выделении Края в самостоятельное государственное образование. В. Леонтович упоминает о следующем эпизоде. К Начальнику Войскового штаба Белоусову было направлено из отряда Покровского отношение о получении оружия для выдвигавшихся на фронт пополнений. Он вместо того, чтобы поспособствовать скорейшему вооружению добровольцев, Белоусов заявил, что «бумага составлена не по форме», о чём на отношении и написал и отправил его обратно в отряд. После ряда повторных обращений в различные инстанции разрешение было, наконец, получено. Но когда приёмщики прибыли на склад, караул от пластунского батальона выдать им вооружение отрез отказался. Пока не была сформирована специальная команда, сменившая в итоге казачий караул, оружие для пополнения так и не было получено. Имели место, конечно, и примеры прямо противоположные, когда коренные кубанцы совершенно бескорыстно помогали добровольцам всем, чем только могли.

¹⁵³ Д.Е. Скобцов утверждает, что только лишь выдача на Новый год спирта практически всем желающим предотвратила выступление в городе больше-

центра¹⁵⁴. Стоило частям 39-й пехотной дивизии обосноваться на севере Кубани, в близлежащих станицах образовывались ревкомы¹⁵⁵ из иногородних и казаков-фронтовиков, которые виков. Видимо, куда важнее то, что солдаты 233-й пехотной дружины в равной степени не горели желанием сражаться как за Краевое правительство, так и за Советы. Рабочие отряды, руководимые большевиками Л. Ивницким и Т. Сухининым, имели на скрытых складах до трёх тысяч винтовок, два пулемёта и даже два орудия. П.И. Вишнякова каким-то образом сумела привезти из Царицына два ящика гранат. Выступить без поддержки строевых солдатских частей большевики всё же не рисковали.

¹⁵⁴ «Состояние почти всех пунктов городского типа требовало для поддержания порядка особой воинской силы, но её-то как раз и не было... Между екатеринодарским правительственным центром и отдельными населёнными пунктами образовывались как бы провалы с неведомо как организованной общественно-политической жизнью, – пишет Д.Е. Скобцов. – В лучшем случае можно было допустить для этих провалов наличие нейтральности к Краевой власти, чаще это было начало образования враждебного очага».

¹⁵⁵ В этом отношении характерен пример Гулькевичей. В ноябре в село прибыл приобретший впоследствии широкую известность «солдат-портной» Никитенко. Село, сплошь иногороднее, выстроено было на казачьих землях, что и предопределило прорвавшееся недовольство. Никитенко оказался человеком решительным, смелым, неплохим, к тому же оратором, что для митинговой стихии являлось немаловажным фактором. Председателем организованного на сходе ревкома избрали именно его. Получив в свои руки власть, Никитенко развил бурную и целенаправленную деятельность. Связался с частями 39-й дивизии, стоявшей на станции Кавказской и получил от солдат оружие для организованного им отряда из крестьянской молодёжи. После этого, уже ничего не опасаясь, конфисковал земли и имущество местной «буржуазии», помещиков и арендаторов-тавричан, в том числе и сельскую мельницу. Помол Никитенко распределял лично. В первую очередь снабжались продовольствием подразделения 39-й дивизии, во вторую – его отряд. Что оставалось, распределялось среди населения. Люди жили одним днём, о будущем мало кто задумывался. Поэтому популярность Никитенко росла с каждым днём. Тем более что к тому же он оказался умелым организатором и решительным командиром. В боях под Армавиrom его отряд принял активное участие. Любопытно, что сам Никитенко Советскую власть признавал с большими оговорками. Он представлял её, как совокупность местных советов и ревкомов, контролирующих ту или иную территорию и практически независимых от центра. При каждом удобном случае он подчёркивал, это мы – жители Гулькевичей и прилегающих сёл и хуторов, а это – они, все остальные. В бою на окраине Армавира его отряд потерял одного человека, в то время как рабочие-красногвардейцы – десять. Тем не менее, Никитенко сразу собрал своих людей на площади возле тела убитого и, грозя плёткой в сторону центра города, стал выкрикивать: «Подлецы! Сволочи! Моих людей не жалуете! Я вам вспомню...» Отряд Никитенко вскоре разросся до нескольких сот хорошо вооружённых, преданных своему командиру бойцов.

в короткие сроки формировали местную Красную гвардию. По большей части, незначительную, не выходящую за рамки «своего» населённого пункта. Но местами становившуюся ядром крупных военных отрядов, принявших непосредственное участие в дальнейших событиях. Всё это в равной степени может быть отнесено и к Новороссийску. Продвижение солдатских эшелонов и установление власти Советов в крупных населённых пунктах способствовало отпадению от Екатеринодара близлежащих казачьих станиц. Что в свою очередь, обеспечивало дальнейшее распространение большевиков по направлению к краевому центру.

6 января в Армавире был создан Военно-революционный комитет, который объявил в городе Советскую власть. На следующий день подразделениями 39-й дивизии и рабочими отрядами были заняты все городские учреждения. Однако вскоре в станице Лабинской в штаб-квартире Лабинского полка состоялось офицерское собрание, на котором было принято решение собрать казачий отряд и выступить на Армавир. Собралось несколько сот вооружённых казаков, по пути следования к отряду присоединялись и новые бойцы. Положение для армавирского ВРК усугублялось ещё и тем, что и со стороны Кавказской выдвигался к городу казачий отряд. Пользуясь внезапностью нападения, «лабинцы» сумели ворваться на окраины Армавира, подошли к железнодорожной насыпи и виадук. Однако когда 15 января в бой вступили части 39-й дивизии, дальнейшее их продвижение было остановлено. Начались переговоры, поднятию боевого духа казаков не способствовавшие. По возобновлении боевых действий 16 января казачий отряд рассеялся¹⁵⁶.

9 января в результате вооруженного восстания рабочих и оказавших им содействие казаков 3-го запасного батальона произошёл большевистский переворот и в Майкопе.

Наступало время решительных людей и решительных дей-

¹⁵⁶ 18 января в городе был созван так называемый «Съезд 65-ти населённых пунктов Лабинского отдела», который признал власть Советов в центре и на Кубани, поддержал решение ВЦИК о разгоне Учредительного Собрания и обязал Армавирский ВРК «усилить организацию Красной гвардии и борьбу с контрреволюцией».

ствий. В первых числах января капитан Покровский во главе своего отряда в 60 человек совершил удачные налёты на близлежащие станицы. В результате его популярность возросла настолько, что Правительство официально признало за отрядом право на существование. Атаман выделил на его содержание 100 тысяч рублей¹⁵⁷. Приток добровольцев в отряд резко увеличился, и всё больше становилось в нём офицеров. На 2 января в отряде насчитывалось 200 добровольцев. К середине января – уже 350 штыков при 4-х орудиях и 4-х пулемётах¹⁵⁸.

В ночь с 6 на 7 Покровский по собственной инициативе произвёл на окраине города ряд арестов, как он в последствии пояснил, «главарей готовящегося выступления¹⁵⁹». 10 и 11 января уже Правительством были арестованы председатель Совета Народных Депутатов И.И. Янковский, товарищи председателя Скворцов, Выгриянов, Фрадкин, большевики А. Карякин, Лиманский и др. Всего до 25 человек¹⁶⁰. При аресте были застрелены большевик Седин и левый эсер Стрелько. 11 января отряд Покровского разоружил 233-ю дружину Государственного ополчения. Оружие было передано Войсковому штабу, солдаты распущены по домам¹⁶¹.

14 января по приказу Атамана была занята станица Ильская, где произведены обыски и аресты.

15 января¹⁶² Покровский совершил новый налёт. На этот раз

¹⁵⁷ Такая же сумма была выделена и Галаеву.

¹⁵⁸ Отряд поначалу состоял из двух пеших сотен и пулемётной команды. Первой, офицерской сотней командовал войсковой старшина И. Шайтор, второй, казачьей – есаул В. Пржевальский. Начальник пулемётной команды – поручик Морочный.

¹⁵⁹ С двумя десятками юнкеров Покровский на грузовике подъехал к дому, расположенному по адресу ул. Ростовская, 140, где на конспиративной квартире происходило заседание Екатеринодарского ВРК. Все его участники были арестованы.

¹⁶⁰ 13 января Совет взамен арестованного исполкома выделил из своего состава новый ВРК и предложил ему разоружить «контрреволюционные отряды» и захватить власть.

¹⁶¹ Роспуск сохранявшей нейтралитет дружины лишал большевиков последней надежды на успех вооружённого восстания в городе и развязывал руки Краевым властям для последующих активных действий.

¹⁶² По данным В. Леонтовича – в начале января.

на удалённую от Екатеринодара ст. Тимашевскую. И вновь удачно. Партизаны захватили врасплох военно-революционный комитет, арестовали и увезли с собой его председателя «комиссара» Хачатурова¹⁶³. Кроме того им без единого выстрела удалось разоружить несколько стоявших на путях солдатских эшелонов. Лишь когда отряд уже убывал обратно в Екатеринодар, его обстреляли со станции пластуны.

6.4.4. Энем. Афипская

К середине января на Кубани оформились три советских центра¹⁶⁴, где большевики чувствовали себя настолько уверенно, что могли уже повести наступление на Екатеринодар по главным железнодорожным магистралям от Кавказской – Армавира, Тихорецкой и Екатеринодара.

17 января в станице Крымской «членами местного Совета народных депутатов, членами екатеринодарского Совета народных депутатов и организацией РДРП (большевиков)» был созван Съезд представителей революционных станиц и воинских частей¹⁶⁵. Был избран Кубанский Областной ВРК и его председатель Я.В. Полуян. На Съезде присутствовали представители 39-й дивизии Бутко и Грушко, совместно с которыми был разработан план наступления на Екатеринодар: со стороны Новороссийска и одновременно от Тихорецкой. Предполагалось занять столицу Кубани к 25 января, чтобы обеспечить проведение в городе заранее запланированного на этот день Съезда Советов. В этот же день 17 января в адрес Краевого правительства было направлено требование о немедленном признании Советской власти, разоружении добровольческих отря-

¹⁶³ Когда отряд вернулся в Екатеринодар, в его расположение прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Букретов и настоял на том, чтобы Хачатурова отпустили. По словам В. Леонтовича Букретов после отставки и эвакуации города Кубанским отрядом, оставался в Екатеринодаре при большевиках вплоть до прихода Добровольческой армии. При этом новой властью не преследовался, и даже завёл молочную ферму.

¹⁶⁴ Новороссийск, Тихорецкая, Кавказская.

¹⁶⁵ К этому времени Советскую власть признали большинство станиц Майкопского, Ейского, Баталпашинского и Таманского отделов.